

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-116-124
УДК 327(045)

Российско-китайские отношения: временные попутчики или антиамериканская Антанта? **

Г.В. Мирзаян

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0003-4833-0220>

АННОТАЦИЯ

На сегодняшний день Китай является, пожалуй, одним из основных российских партнеров на внешней арене. Однако в России до сих пор нет общего мнения о том, что это за партнер. Одни называют его добрым другом, опорой Москвы, чуть ли не спасителем на фоне российско-западного конфликта. Другие позиционируют Китай в качестве агрессивного хищника, заинтересованного в максимальном ослаблении России либо для ее дальнейшего грабежа, либо для дальнейшего поглощения. Даже территориального. Третьи же призывают не бросаться из крайности в крайность. Китай России не друг – слишком разные у нас интересы. Не противоречащие друг другу, а именно разные. С другой стороны, именно по причине отсутствия таких противоречий Китай и не является врагом. Нам практически нечего делить, мы не угрожаем друг другу. Поэтому Китай – это, скорее, возможность. Сотрудничество с Пекином (к которому нас так толкает Вашингтон) укрепит российскую внешнюю политику, сбалансирует ее западное направление. Однако все позитивные аспекты подобного сотрудничества проявятся лишь в том случае, если Москва не будет забывать свои национальные интересы. И не будет жертвовать ими ради призрачной дружбы – или же призрачного конфликта.

Ключевые слова: Китай; Россия; США; ШОС; Средняя Азия; национальные интересы

Для цитирования: Мирзаян Г.В. Российско-китайские отношения: временные попутчики или антиамериканская Антанта? *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(6):116-124. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-116-124

ORIGINAL PAPER

Russian-Chinese Relations: Temporary Companions or Anti-American Entente?

G. V. Mirzayan

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-4833-0220>

ABSTRACT

Today, China is perhaps one of the leading Russian partners in the international arena. However, there is still no general opinion in Russia about what kind of partner it is. Some call him a good friend, a pillar of Moscow, almost a Savior against the background of the Russian-Western conflict. Others position China as an aggressive predator interested in maximising Russia's weakness, either for further plunder or further absorption – even territorial. Still, others urge not to rush from extreme to extreme. China is not Russia's friend. Our interests are too different – not contradictory, but different. On the other hand, it is precise because of the absence of such contradictions that China is not an enemy. We have practically nothing to share – we do not threaten each other. So, China is more of an opportunity. Cooperation with Beijing (to which we are so pushed by Washington) will strengthen Russian foreign policy, balance its Western direction. However, all the positive aspects of such cooperation will be only manifested if Moscow does not forget its national interests. And, he would not sacrifice them for a ghostly friendship – or a ghostly conflict.

Keywords: China; Russia; USA; SCO; Central Asia; national interests

For citation: Mirzayan G.V. Russian-Chinese relations: Temporary companions or anti-American Entente? *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(6):116-124. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-116-124

* Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17–37–01001–ОГН «Лоббизм и санкции США и ЕС: сравнительный анализ» 2017–2019 гг.

** The article is based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on the state assignment of the Financial University.

ВВЕДЕНИЕ

Ни для кого не секрет, что Пекин системно наращивает свою мощь — экономическую, военную, политическую. Вплоть до создания институтов глобального управления, параллельных американским. «В последние годы экономическое могущество КНР и готовность его распространять привели к тому, что у малых и средних стран за пределами китайской периферии появилась альтернатива международным экономическим институтам, контролируемым Соединенными Штатами и их союзниками», — говорит Тимофей Бордачев [1].

Да, китайцы стремились это делать так, чтобы не вступать в конфликт с Соединенными Штатами. «Китайцы не ищут точку опоры, чтобы перевернуть мир. Их идеал — позволить свершаться всем переменам в мире и, значит, скрытно их направлять. Речь идет, по сути, о методе владения стратегической инициативой и даже инновационного развития», — считает российский китаист Владимир Малявин [2]. Однако потенциал этой стратегии исчерпан. Вашингтон перешел к открытому давлению на КНР. Например, через санкции — не только торговые, но и гуманитарные. Конгресс США принял Акт о правах уйгуров (<https://www.govtrack.us/congress/bills/116/s178>), который легитимирует вмешательство США в уйгурский вопрос и позволяет вводить санкции против тех компаний КНР, которые, по мнению американцев, участвуют в репрессивной политике китайских властей по отношению к уйгурам. Подобное агрессивное поведение Вашингтона показывает, что Америка больше не рассматривает своих китайских партнеров как «ответственных игроков» (responsible stakeholder) и потеряла надежду на либерализацию китайских властей. При этом «более глубокое сотрудничество с Китаем будет сопровождаться еще большими столкновениями на уровне ценностей — на съезде (XIX съезде КПК — прим. авт.) сам Цзиньпин сказал, что Китай все равно никогда не будет механически перенимать западную политическую модель», — уверен заместитель директора Института стран Азии и Африки Андрей Карнеев [3]. Либерализация же Китая, как известно, рассматривалась Вашингтоном не столько с гуманитарной, сколько с политической точки зрения — как трансформация партнера в более понятного и (за счет институтов гражданского общества) более управляемого.

С другой стороны, в Пекине тоже осознали, что период бесконфликтности исчез, и готовы к более серьезным столкновениям с американцами. И не только американцами — активное продвижение КНР в Восточной Азии вызывает сопротивление местных государств. Китай боится, а страх, как известно, приводит либо к агрессии, либо к предательству. «Экспансия должна принимать современные формы многостороннего сотрудничества, иначе она неизбежно приведет к жесткому противодействию со стороны их малых, средних и даже великих соседей. Попытки уравновесить Китай можно наблюдать уже сейчас, когда Индия и Япония приветствуют продвигаемые США концепции», — говорит Тимофей Бордачев [1]. Да, президент США Дональд Трамп отказался от Транстихоокеанского партнерства (проекта экономической интеграции ряда стран региона, который, по словам Обамы, был рассчитан на сдерживание КНР), однако нынешний хозяин Белого дома просто меняет инструмент сдерживания. Сама цель США — ограничить китайскую экспансию и взять КНР в стратегическое окружение — остается неизменной. Не имея возможность сменить режим в Пекине, Вашингтон просто взял курс на стратегию сдерживания.

К счастью для Китая, США сами толкают в объятия Пекина важнейшего партнера — Россию, которую американцы тоже пытаются всячески ограничивать. «Чем сложнее российско-американские отношения, тем больше Китай может рассчитывать на российскую поддержку в случае каких-то разногласий с Соединенными Штатами», — говорит Дмитрий Саймс [4]. И вот уже Запад всерьез опасается синтеза китайской экономической мощи и демографического потенциала с российскими военными технологиями, ядерными силами, ресурсными богатствами, политическими возможностями и, наконец, территориальным потенциалом. «Приоритет сдерживания в американской политической мысли подрывает его внешнеполитическую линию, лишая ее нюансов и гибкости. Качества, необходимых для адаптации к меняющейся международной среде. И, в отсутствие динамичного и информированного руководства, мы идем полуавтоматическим курсом к глобальной конфронтации с созданием китайско-российской Антанты», — пишет Эван Санки, научный сотрудник Института Джона Хопкинса [5]. Запад уже проходил такую «коммунистическую

Антанту» в конце 40-х — 50-х гг. И когда «Антанта» рухнула, когда Москва и Пекин начали конфликтовать друг с другом, в Вашингтоне выдохнули. Как верно писал Джордж Кеннан [6], сам по себе китайско-советский разрыв был важнейшим элементом сдерживания, поскольку создавал контрбаланс Советскому Союзу в лице коммунистического Китая.

ПОПУТЧИКИ

К сожалению, для американских партнеров, сейчас державы не балансируют, а дополняют друг друга. Взаимодействие России и Китая носит стратегический характер и основано на принципах равноправия, добрососедства и доверия», — говорит Путин [7]. «Российское и китайское общества политически консолидированы и едины в своем отношении к важнейшим мировым проблемам», — поясняет бывший министр иностранных дел России Игорь Иванов. Причем, по словам Иванова, у Москвы и Пекина даже в чем-то похожи внешнеполитические модели. «В силу особенностей политического развития Россия и Китай в состоянии строить политику на основе стратегического планирования на годы и даже на десятилетия вперед, что недоступно западным демократиям. А нынешняя ситуация в мире настойчиво требует именно долгосрочного планирования и комплексных подходов, а не ситуативных тактических решений», — уверен бывший министр иностранных дел России [8].

Однако насколько релевантно здесь сравнивать российско-китайские отношения с Антантой? Возможно, у Запада наблюдается, скорее, повторение исторических фобий 50-х гг., связанных с опаснейшим для него советско-китайским союзом после Второй мировой войны.

На первый взгляд, сравнение выглядит несколько натянутым. «Ни российско-китайский договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве 2001 г., ни многосторонние соглашения, участницами которых являются обе страны [включая Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) и институты в рамках БРИКС] не имеют серьезных признаков подлинного военного альянса», — говорит научный сотрудник Института Востоковедения РАН Владимир Нелидов [9]. Недавние совместные российско-китайские учения тоже не стоит оценивать как доказательство этого альянса (в Москве их позиционируют скорее как свидетельство обычного партнерства и ненаправленности учений

против КНР). О неформальном союзе также речь не идет — в Пекине к нему не стремятся. «Есть консенсус в китайской партийной элите, что нынешний уровень стратегического партнерства, он адекватный и не нужно повышать до союзнических, но и не ухудшать», — продолжает Юрий Тавровский. Наконец, страны ориентированы на разные регионы. Так, Россия не готова вставать на сторону Китая в конфликтах в Восточной Азии (с Японией, Вьетнамом, странами АСЕАН), а КНР не собирается защищать интересы РФ в конфликте с Западом.

Однако все несколько тоньше. «Технически союзник — это страна, с которой у вас подписан соответствующий договор. Но на самом деле термин гораздо шире. Это страна, с которой вы можете продуктивно взаимодействовать по ряду вопросов», — говорит директор по исследованиям Европейского совета по международным делам Джереми Шапиро [10]. И РФ с КНР могут так взаимодействовать.

Весьма перспективным пространством для сотрудничества видится Средняя Азия — Москва и Пекин крайне заинтересованы в стабилизации и развитии региона. Хотя бы потому, что они могут стать первыми внешними жертвами любой радикализации там. У России со странами Средней Азии — безвизовый режим, к тому же в ее составе есть множество мусульманских регионов, на которые может легко перекинуться вирус экстремизма. У Китая тоже есть свои мусульмане, прежде всего в Синьцзян-Уйгурском автономном округе. Кроме того, китайцы собираются переориентировать свою торговлю с Европой с морских на сухопутные маршруты, для чего и строят «Новый шелковый путь».

ЭКСТРЕМИЗМ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Именно поэтому Москва и Пекин делают все возможное для того, чтобы, например, подавить в этом регионе вирус экстремизма. Москва демонстрирует свою надежность в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), всячески способствует экономическим реформам, пытается идти навстречу в болезненных вопросах (сохраняет безвизовый режим, соглашается на уступки по Каспийской декларации), пытается достичь мирного разрешения конфликта в Афганистане через компромисс между талибами и официальным Кабулом. Китай же накачивает регион деньгами и инвестициями

(в ряде государств большая часть их внешних долгов уже принадлежит Пекину), а также участвует в военном строительстве.

Однако есть и те, кто, наоборот, играет на дестабилизацию ситуации. Прежде всего, конечно же, речь о Соединенных Штатах. Вашингтон прекрасно понимает, что Средняя Азия — уязвимая точка двух его геополитических противников, поэтому дестабилизация региона и рост в нем террористической угрозы видится одним из способов для ослабления России и стратегического окружения КНР.

Конечно же, США говорят совсем иное: «Мы хотим, чтобы страны Центральной Азии развивались как стабильные, успешные, уважающие права человека и дружелюбно настроенные партнеры США. Ибо, если они не будут таковыми, то пострадают сами Соединенные Штаты. Мы уже видели, что случилось с Афганистаном в 90-е гг., что произошло в других регионах мира, где мы отстранялись и игнорировали причины, вызывающие нестабильность», — отмечает посол США в Узбекистане Даниэль Розенблум (https://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/082318_Rosenblum_Testimony.pdf). Пассаж про «страдания США» действительно актуален. «После серии терактов этнических узбеков в США и ЕС американские власти заинтересованы, чтобы страна эффективно сотрудничала в сфере безопасности и была более открыта и предсказуема для сотрудничества», — поясняет узбекский политолог Рафаэль Саттаров. Однако если американцам удастся добиться, чтобы узбекские террористы взрывали Узбекистан или соседние страны, то никаких страданий у них не будет.

Именно поэтому американцы сейчас пытаются закрепиться в регионе, срывают мирные соглашения по Афганистану, а также способствуют любым либеральным реформам среднеазиатских руководителей (прежде всего, в Узбекистане). И для того, чтобы защитить регион от радикализма и американских планов, Москве и Пекину придется работать не только эффективно, но и сообща. Учитывая, что в последние годы российское и китайское руководство смогли если уж не синхронизировать, то, по крайней мере, сблизить свои взгляды по Средней Азии (российскую Евразийскую интеграцию и китайский Шелковый путь), то у них есть все шансы для того, чтобы не допустить превращения Средней Азии в новую Ливию.

ШАНХАЙСКИЙ ДУХ

Важнейшим форматом российско-китайского сотрудничества в регионе является формат ШОС, имеющий куда больший потенциал, нежели обычная «местная» организация. Так, саммит ШОС в Циндао проходил фактически на контрасте с канадскими посиделками «Большой семерки». И четко показал разницу между двумя организациями. Естественно, не в пользу G7.

Если «семерка» проходила в атмосфере скандала и раздора, то шанхайская «восьмерка» (Россия, Китай, Киргизия, Таджикистан, Казахстан, Узбекистан, Индия и Пакистан) демонстрировала единство и взаимопонимание. Если на саммите G7 все пытались учить друг друга жизни, то в Циндао участники демонстрировали так называемый «шанхайский дух» — поведение, основанное на взаимном уважении суверенитета и поиске общей выгоды для всех участников. Некоторым может показаться, что ШОС пытается подменить G8 — и это так и есть. Ведь саммит в Циндао привел к трансформации структуры. «Речь идет о кардинально новых доктринах и организациях. После саммита в Циндао ШОС — это не старый ШОС, где было перетягивание одеяла между РФ и Китаем. Это четыре ядерные державы», — говорит Эксперту Online профессор РУДН Юрий Тавровский.

Инициатором превращения ШОС в глобальную евразийскую организацию был, прежде всего, Китай. Как известно, Си Цзиньпин в 2017 г. провозгласил новую внешнюю политику КНР — более активную, более соответствующую статусу Китая как державы № 2 (а то и № 1) современного мира. А, значит, Китай готов принимать большее участие в формировании основ порядка в этом мире. Тем более, если речь идет о евразийском, «домашнем» регионе Китая, который, по мнению Пекина, может к тому же стать неким тестовым полигоном для его глобальных амбиций. «На саммите в Циндао Си Цзиньпин сделал очень важное заявление о том, что нужно добиваться создания сообщества единой судьбы ШОС. Сам по себе этот лозунг — создание сообщества единой судьбы человечества — был утверждён в качестве важнейшего элемента внешнеполитической доктрины Китая на XIX съезде и стал одним из столпов всей внешней политики Китая. Употребляя его в отношении ШОС, Си показывает, что ШОС для него — один из механизмов достижения этой единой судьбы, в которой

Китай, понятно, будет играть очень важную роль», — говорит Юрий Тавровский.

Именно поэтому ШОС сейчас, по всей видимости, под началом Китая более активно займется евразийскими процессами, как экономическими (Пекин готов вкладывать десятки миллиардов долларов в региональные проекты), так и в области безопасности. Например, в Циндаоской декларации было указано, что ШОС будет бороться против трех сил зла — сепаратизма, экстремизма и терроризма, которых, как известно, на евразийском пространстве предостаточно. И в этом как раз — заинтересованность Москвы в китайских планах. Да, кому-то в России, может, не нравится глобалистский проект Китая, но он фактически неизбежен. И Кремль может быть либо его частью (извлекая для себя выгоды), либо остаться на периферии всех китайских политико-экономических проектов.

Впрочем, были и решения, которые в декларацию не включили. Например, о создании совместных силовых структур. «У ШОС нет своих вооруженных сил. И создание механизмов в области безопасности — это будущее, возможно недалекое. Ситуация в индо-тихоокеанском бассейне меняется очень быстро. И для РФ и Китая было бы правильным подумать о взаимодействии в области безопасности. Скорее всего, этот вопрос обсуждался во время закрытой части переговоров», — говорит Юрий Тавровский.

«РЕЗИНОВЫЕ»

Немаловажным вопросом для ШОС (теперь, как для глобальной структуры) становится вопрос расширения. Торопиться тут, впрочем, не надо.

Как известно, в 2017 г. ШОС расширилась за счет присоединения Индии и Пакистана. Одним из главных адвокатов расширения была Москва, которую беспокоила чрезмерная мощь Китая в организации. «Индия — наш стратегический партнер, ее участие в ШОС, во-первых, позволяет рассчитывать на улучшение ее отношений с другим нашим стратегическим партнером — Китаем, а во-вторых, создать баланс в организации. Членство Пакистана нам, в общем, особых выгод не несет, это был размен: Китай соглашается на принятие Индии, мы — на принятие Пакистана», — поясняет эксперту Online научный сотрудник ИМЭМО Алексей Куприянов.

Это решение вызвало много вопросов. Ряд экспертов считали, что игра не стоила свеч, что включение Индии и Пакистана станет концом

шанхайского форума, ибо индо-пакистанские противоречия выплеснутся на переговорах и фактически заблокируют весь процесс принятия решений в Организации. Однако этого не произошло. Индия и Пакистан вели себя крайне конструктивно, ничего не блокировали и поставили свои подписи под всеми итоговыми документами, принятыми в Циндао.

Более того, министр иностранных дел КНР Ван И уже заявил, что ШОС может стать площадкой для нормализации индо-пакистанских отношений [11]. Собственно, уже стала. «В рамках учений ШОС впервые индийские и пакистанские солдаты будут участвовать вместе в маневрах», — поясняет Алексей Куприянов. Да, до нормализации — «как до Китая пешком», однако та же стабилизация индо-пакистанских отношений уже станет серьезным подспорьем для решения проблем безопасности в евразийском регионе. Более того, она серьезно облегчит сторонам борьбу с угрозами, исходящими из Афганистана (который, как известно, тоже является полем индо-пакистанского противостояния).

Некоторые эксперты считают, что Индией и Пакистаном расширение ШОС не должно ограничиваться, что организация может одновременно развиваться как интенсивно, так и экстенсивно. «Можно идти на двух ногах. ... Если добавится Иран, Армения, КНДР, Монголия — я не вижу проблем, которые понизят качество работы организации», — говорит Юрий Тавровский.

Очередь на вступление в ШОС действительно большая. Помимо уже упомянутого Ирана, интерес к вхождению в организацию уже выразил министр иностранных дел Камбоджи Прак Сокхон. По его словам, Камбоджа может стать мостиком между ШОС и АСЕАН (http://www.xinhuanet.com/english/2018-06/10/c_137244965.htm). Китаю, конечно, это интересно — Камбоджа является одной из стран Юго-Восточной Азии, где влияние Пекина очень велико, и посему Китай использует ее для продвижения своих интересов в АСЕАН. Но вот насколько это надо той же России? Если Кремль действительно согласен с китайской позицией и хочет сделать из ШОС глобальную структуру — то, наверное, надо. Но если Москва рассматривает ШОС все-таки не как инструмент китайской глобальной экспансии, и не инструмент влияния на АСЕАН, а как формат для стабилизации ситуации в центральной части Евразии, то распыляться не надо.

ВМЕСТЕ – НА АМБРАЗУРУ

Еще более перспективными видятся двусторонние отношения. «Си рассматривается как друг России и лично Путина, это важный фактор в двусторонних отношениях», — признает ведущий китаист Российского Центра Карнеги Александр Габуев. Путин, собственно, и сам об этом говорит. «Вы знаете, что при встречах мы публично называем друг друга друзьями. Это соответствует уровню наших отношений, которые сложились между нами на человеческом уровне», — отмечает российский президент (<http://kremlin.ru/events/president/news/55882>).

Россия, конечно, надеется, что эти отношения приведут не только к активизации экономических контактов, но и к углублению политического взаимодействия. Вопреки общепринятым представлениям, тут есть серьезные проблемы. Да, Россия и Китай разделяют общую позицию по целому ряду важнейших вопросов — от негативного отношения к размещению глобальной американской противоракетной обороны (ПРО) — до методов решения сирийской гражданской войны. Однако когда дело доходило до защиты этой позиции, например в Совете Безопасности ООН, Китай зачастую отходил в сторонку, занимал нейтральную позицию (в том числе, по важнейшему для России гологованию по вопросу о химоружии в Сирии, когда Пекин не стал вместе с Москвой ветировать американскую резолюцию) и бросал Москву в одну «на амбразуру».

Позицию Китая можно понять — он действовал по завету Дэн Сяопина и не лез прямо в те дела, которые его не касались. Однако в 2017 г. Си Цзиньпин обозначил начало новой, более активной внешней политики Китая, и сейчас, когда Трамп (а вместе с ним и Америка) оказались в международной изоляции, выходить на внешнюю арену «само Небо велело».

Теперь главное — чтобы Си Цзиньпин перешел от слов к делу. Да, в совместном с Путиным заявлении было прописано, что Китай выступает за сохранение сделки с Ираном, против размещения ПРО и т.п. Что Китай будет делать для имплементации своей позиции? Уйдут ли китайские фирмы из Ирана под угрозой американских санкций? Будет ли Пекин вводить контрсанкции против США? И, наконец, встанет ли с Москвой плечом к плечу «перед амбразурами» в ООН?

ДВУГЛАВАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Впрочем, у некоторых экспертов возникают и другие сомнения. Например, относительно прочности российско-китайского сотрудничества, естественно, не в краткосрочной, а в долгосрочной перспективе. Тема, действительно, дискуссионная.

А как эти отношения будут развиваться в будущем? С одной стороны, есть все поводы для оптимизма. У России и Китая множество общих интересов, возможные двусторонние противоречия (например, на рынках Средней Азии) урегулируются на базисе необходимости сохранения стратегического партнерства. Однако есть и определенные опасения.

Так, существуют проблемы относительно восприятия в Москве китайской политики на российском Дальнем Востоке. Местные жители и побывавшие в регионе московские политологи говорят о фактически хищнической китайской линии — выкачивании ресурсов, инвестировании через свои компании с использованием специально привезенной из КНР рабочей силы. Даже туристы едут в китайские гостиницы через китайские компании, что приводит к минимальному количеству оставляемых в России денег. Да, мы понимаем, что Китай себя ведет так во многих странах мира (такова его инвестиционная модель, нацеленная, прежде всего, на стимуляцию китайской, а не местной экономики), однако и в Пекине должны понять, что Россия — это не обычная страна. Это стратегический тыл Китая, без наличия которого Пекину невозможно будет бороться с соперниками на южных и восточных фронтах. Китаю нужно делать все для того, чтобы тыл был долгосрочным — а значит, работать не только с элитами (которые все равно остаются прозападными), но и улучшать свой имидж среди простого российского населения.

Казалось бы, успехи тут налицо — согласно проведенному «Левада-Центром» летом 2018 г. опросу почти 40% россиян считают КНР одной из наиболее близких России стран (впереди только Белоруссия с 49%), и лишь 1% считают его одним из главных врагов (<https://www.levada.ru/2018/06/14/druzya-i-vragi-rossii-3/>). Однако эти цифры не должны вводить в заблуждение — они связаны, скорее, со слишком недружественной позицией Запада, прокитайской пропагандой российских СМИ, а также недостаточной информированностью жителей Центральной России относительно китайской

политики на Дальнем Востоке. В случае нормализации российско-западных отношений фокус общественного внимания поменяется и (если Пекин продолжит нынешнюю линию на Дальнем Востоке) в России будет наблюдаться рост китаефобских настроений. Это не нужно ни Москве, ни Пекину.

КАКОЙ ЛИДЕР?

Еще одной проблемой являются глобальные амбиции КНР. Пекин создает свою сферу влияния, которая простирается на всю Евразию. Проект «Один пояс — один путь» охватывает 65 стран, в которых проживает 70% населения Земли. И китайская инвестиционная помощь в его рамках в десятки раз больше, чем та, которую США предоставляли в ходе Плана Маршалла [12].

«Китай совершенно открыто претендует на роль модели. И это вполне сочетается с его стремлением стать одним из мировых лидеров. Здесь политика Китая приобретает черты мессианства, свойственные большим державам. Это было свойственно Советскому Союзу, руководители которого говорили, что обладают научной истиной, освещающей путь другим странам. Китай воспроизводит в какой-то мере то, что происходило в Советском Союзе, и то мессианство, которое свойственно ныне США», — говорит ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН Александр Ларин [13]. Такую позицию разделяет определенная часть российских чиновников и экспертов. Они говорят, что если выбирать между западным и китайским мессианством, то нужно сохранить первое, ибо оно более понятно и близко. Судя по всему, этот тезис еще не раз будет использован западной пропагандой на российском пространстве — у российской элиты существует определенный страх перед Китаем.

Этот страх лишь укрепляется благодаря другим заявлениям Председателя Си. Например, о «возрождении национального величия». «Сам лозунг великого возрождения подразумевает выход из состояния национального унижения. А унижение, по мнению китайцев, началось в XIX в., с начала Опиумных войн. Все это время империалистические хищники терзали Китай, и среди этих хищников была Россия, которая, по мнению Пекина, принудила Китай передать ей территории в Манчжурии. И не исключено, что возрождение китайской нации приведет к новому витку территориальных требований к Москве.

Где гарантия, что после решений своих территориальных проблем в Южно-Китайском море китайцы не будут бегать за Хабаровском?», — говорит один из российских экспертов на условиях анонимности. Где гарантии, особенно после того, как китайцы к 2035 г. проведут обещанную модернизацию своих вооруженных сил? После того, как Москва нормализует отношения с Западом и снова будет проводить проактивную политику на европейском направлении (в ущерб интересам китайцев). К тому же большинство опрошенных экспертов считают неизбежными столкновение российских и китайских интересов на центральноазиатском направлении, особенно в том случае, если Китай (вложивший в регион миллиарды долларов и тянувший через него Новый шелковый путь) захочет лично контролировать идущие в регионе процессы.

Кроме того, возникает вопрос: насколько тесные российско-китайские отношения завязаны на Трампе? По мнению некоторых экспертов, во многом [14]. Министр обороны Китая Вэй Фэнхэ прямым текстом заявил, что целью одного из его визитов в Москву было «показать американцам тесную связь между вооруженными силами Китая и России» [15]. Американцы, в свою очередь, очень обеспокоены российской и китайской активностью — причем не только в Евразии и в районе Южно-Китайского моря, но и на американском «заднем дворе», в Южной и Центральной Америке [16]. Естественно, любое противодействие США будет сближать Москву и Пекин с их схожими интересами. Но что произойдет, когда противодействие прекратится? Уйдет ли Москва на Запад? Если в политическом плане ее там ждут, то китайцев — нет. «Ни США, ни Евросоюз особо не тянутся к политическому сближению с Китаем. Во многом у них принципиально разные позиции. То есть экономически сотрудничать, торговать — пожалуйста. А вот политические интересы — врозь», — считает замдиректора Института Дальнего Востока РАН Андрей Островский [17].

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ

США (не Трамп, а именно США с их нынешним вектором внешней политики) не смогут найти глобальный *modus vivendi* ни с Китаем, ни с Россией. И реальный вопрос тут в том, смогут ли Москва и Пекин проводить общую линию во всех сферах и во всех регионах, где они так или иначе противостоят США и где их интересы сходятся?

Но Запад — это не только США. Так, по словам Си Цзиньпина, китайско-российские отношения были приоритетом для обеих сторон «вне зависимости от изменения международной ситуации» [18]. И в этих словах при желании можно найти намек на достаточно распространенное в КНР мнение: как только произойдет нормализация российско-европейских отношений, Кремль снова развернется лицом к Европе и «пятой точкой» — к Китаю. Все-таки при всей своей евразийскости Россия — прежде всего, европейская держава. Как по менталитету, так и по структуре внешней торговли.

Символический ответ состоит в том, что герб России — двуглавый орел, который в равной мере смотрит и на Запад, и на Восток. Политический — в том, что да, раньше Москва не слишком последовательно придерживалась этого принципа, но кризис отношений с Западом показал важность двухвекторности. Как минимум, Китай в Центральной Азии нельзя оставлять в одиночку. Есть и очень серьезные экономические аргументы в пользу того, что отношения становятся долгосрочными: в ходе визита сделаны шаги в подготовке большого рамочного торгового договора между РФ и КНР, о котором говорят, что по масштабам он будет напоминать Транстихоокеанское партнерство, из которого вышли США при Трампе. Коли так, то просматривается и расширение круга его

участников, тем более, что обе страны активны в международных евразийских проектах. И, в отличие от российско-турецких отношений, тут российский проект Евразийского союза и китайский Новый шелковый путь не противоречат друг другу, а, скорее, дополняют. Что и позволяет сторонам демонстрировать единство. «Сложилась удивительная ситуация, и дай Бог, чтобы она продлилась как можно дольше: мы по любой, даже, на первый взгляд, спорной позиции всегда находим консенсус, всегда договариваемся, ищем какие-то варианты компромиссов и находим их», — отмечает Владимир Путин (<http://kremlin.ru/events/president/news/55882>).

«Си Цзиньпин сделал очень важное заявление о том, что нужно добиваться создания сообщества единой судьбы ШОС. Сам по себе этот лозунг — создание сообщества единой судьбы человечества — был утвержден в качестве важнейшего элемента внешнеполитической доктрины Китая на XIX съезде. После чего стал одним из столпов всей внешней политики Китая. И, употребляя его в отношении ШОС, Си показывает, что ШОС для него — один из механизмов достижения единой судьбы человечества, в котором Китай, понятно, будет играть очень важную роль», — говорит Юрий Тавровский. Развитием ШОС Китай пытается «подтянуть к себе побольше партнеров для решения международных проблем».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ/REFERENCES

1. Бордачев Т. «Две войны» Запада и России. URL: <https://globalaffairs.ru/number/Dve-voiny-Zapada-i-Rossiya-19666>.
Bordachev T. "Two wars" of the West and Russia. URL: <https://globalaffairs.ru/number/Dve-voiny-Zapada-i-Rossiya-19666>. (In Russ.).
2. Малявин В. Путь «невидимого гегемона». URL: <https://globalaffairs.ru/number/Put-nevidimogogegemona-19742>.
Malyavin V. The way of the "invisible hegemon". URL: <https://globalaffairs.ru/number/Put-nevidimogogegemona-19742>. (In Russ.).
3. Гомозова Т. Китай пойдет особым путем. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3443619>.
Gomozova T. China will go a special way. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3443619>. (In Russ.).
4. Simes D. The costs of ignoring Russia. URL: <https://nationalinterest.org/feature/the-costs-ignoring-russia-21888>.
5. Sankey E. The Cold War Choice (with China). URL: <https://nationalinterest.org/feature/cold-war-choice-china-33361>.
6. Heer P. Containment and China: What Would Kennan Do? URL: <https://nationalinterest.org/feature/containment-china-what-would-kennan-do-25431>.
7. Фаляхов Р. «Шанхайский дух»: Россия без Китая не строится. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2018/06/09/11792551.shtml>.
Falyakhov R. "Shanghai spirit": Russia is not built without China. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2018/06/09/11792551.shtml>. (In Russ.).

8. Иванов И. Россия, Китай и новый миропорядок. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-kitay-i-novyy-miroponyadok/>.
Ivanov I. Russia, China and the new world order. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-kitay-i-novyy-miroponyadok/>. (In Russ.).
9. Нелидов В. Региональная безопасность в Северо-Восточной Азии и треугольник «Россия — США — Япония». URL: <https://russiancouncil.ru/activity/policybriefs/regionalnaya-bezopasnost-v-severo-vostochnoy-azii-i-treugolnik-rossiya-ssha-yaponiya/>.
Nelidov V. Regional security in northeast Asia and the triangle “Russia-USA-Japan”. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/policybriefs/regionalnaya-bezopasnost-v-severo-vostochnoy-azii-i-treugolnik-rossiya-ssha-yaponiya/>. (In Russ.).
10. Шапиро Д. «„Война по доверенности” на Украине станет катастрофой». URL: <https://globalaffairs.ru/number/Voina-po-doverennosti-na-Ukraine-stanet-katastrofoi-19512>.
Shapiro D. “Proxy War” in Ukraine will be a disaster. URL: <https://globalaffairs.ru/number/Voina-po-doverennosti-na-Ukraine-stanet-katastrofoi-19512>. (In Russ.).
11. Aneja A. China and Russia see SCO as peace platform for India and Pakistan. URL: <https://www.thehindu.com/news/international/china-and-russia-see-sco-as-peace-platform-for-india-and-pakistan/article24133835.ece>.
12. Goodman M., Hillman J. Is China Winning the Scramble for Eurasia? URL: <https://nationalinterest.org/feature/the-new-cold-war-was-never-inevitable-21994>.
13. Скосырев В. Китай берет на себя роль мессии. URL: http://www.ng.ru/world/2017-10-18/7_7098_china.html.
Skosyrev V. China takes on the role of Messiah. URL: http://www.ng.ru/world/2017-10-18/7_7098_china.html. (In Russ.).
14. Weilai D. Will Trump Cement the China-Russia Alliance? URL: <https://thediplomat.com/2018/06/will-trump-cement-the-china-russia-alliance/>.
15. Kinling L. US take note: Chinese, Russian militaries are closer than you think, China’s defence minister says. URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/2140301/us-take-note-chinese-russian-militaries-are-closer-you>.
16. Seldin J. US Wary as Russia, China Set Sights on South, Central America. URL: <https://www.voanews.com/americas/us-wary-russia-china-set-sights-south-central-america>.
17. Покровский А. ШОС как средство движения России на Восток. URL: https://tsargrad.tv/articles/shos-kak-sredstvo-dvizhenija-rossii-na-vostok_138557.
Pokrovsky A. SCO as a means of Russia’s movement to the East. URL: https://tsargrad.tv/articles/shos-kak-sredstvo-dvizhenija-rossii-na-vostok_138557. (In Russ.).
18. Withnall A. China’s Xi declares Putin his “best, most intimate friend” as Russia looks to the East for allies. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/asia/putin-xi-jinping-china-russia-latest-shanghai-cooperation-organisation-summit-india-pakistan-iran-a8389856.html>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Геворг Валерьевич Мирзаян — кандидат политических наук, доцент Департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
GVMirzayan@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Gevorg V. Mirzayan — Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia
GVMirzayan@fa.ru

Статья поступила 02.10.2019; принята к публикации 20.10.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 02.09.2019; accepted for publication on 20.10.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.